

Александр Ходаков

Дипломатическая кухня

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84
Х69

Ходаков А. Г.

Дипломатическая кухня / А. Г. Ходаков — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2019. — 610 с.

ISBN 978-5-5320-9343-0

Как поймать и приготовить пальмового краба, если посольство не платит зарплаты, а ты голоден? Гаагская конференция – с чем это едят? Сложно ли прожить месяц в плену у ливийских повстанцев, питаясь одним кускусом? Ответы на эти и другие вопросы Вы найдете в книге «Дипломатическая кухня». В ней автор, прошедший путь от атташе до Чрезвычайного и Полномочного Посла, рассказывает о закулисе дипломатии. О жизненных казусах и приключениях, проблемах выбора и воле случая, о людях и их характерах. И конечно, о кухне разных стран.

ISBN 978-5-5320-9343-0

© Ходаков А. Г., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2019

Я готов отстаивать точку зрения о том,
что неправильно считать известную профессию древнейшей.
Древнейшей профессией была дипломатия,
поскольку сначала нужно договориться.
*С.В. Лавров, министр иностранных дел России*¹

¹ На встрече со студентами Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта в Калининграде 6 июня 2017 года.

Мои языки

Мне было лет шесть, когда мать решила, что я должен учить иностранный язык. Выбрала она немецкий. Почему именно его, выяснить мне так никогда и не удалось. Еще свежа была память о войне, и немецкий был отнюдь не популярен – когда в школе наш класс разделили на группы английского и немецкого, в немецкую группу загоняли из-под палки. Как бы то ни было, с шести лет меня стали учить немецкому дома. О моих первых учительницах у меня воспоминаний не осталось. Да и результатов выдающихся они отнюдь не добились. Тем не менее, одна из них научила меня читать и писать. Вот только алфавит она для этой цели выбрала готический. На нем и читать-то тяжело, а письмо на готике вдвойне тяжелее, поскольку начертание букв с печатными часто не совпадает. Кроме того, для готики характерны резкие линии – рукописный текст больше всего напоминает забор. И хотя в школе я освоил и кириллицу, и латиницу, влияние готики осталось заметным, особенно когда почерк устоялся.

Немки менялись, а особых успехов в языке у меня не было. Пока матери не порекомендовали Альму Константиновну. Она была из немцев Поволжья, и, хотя говорила на хох-дойч, выговор у нее был несколько своеобразный, очень мелодичный. Она и по-русски не говорила, а пела. Альма Константиновна взялась за меня всерьез. К концу школы у меня уже был вполне приличный уровень владения языком. Иными словами, я читал, понимал, писал – вот только говорить свободно не умел. Как и советская школа, Альма не могла научить меня разговорному языку, при том, что сама она говорила свободно. Методиками она пользовалась советскими – других-то не было. Но именно Альма сыграла в моей судьбе огромную роль, когда я впервые оказался перед серьезным выбором.

В школе меня записали в группу английского языка. Мать хотела, чтобы к окончанию школы я знал два языка, что могло дать какие-то преимущества в будущем. Английский в школе давался мне легко. Слова я запоминал моментально, а если надо было делать пересказ текста, текст даже не читал, полагался на удачу. Авось, не вызовут.

Если не везло, предлагал учительнице сделку – я сейчас прочту текст один только раз и тут же его перескажу. Почему-то чаще всего она на это покупалась. В общем, по английскому у меня была стабильная пятерка. Но, как большинство советских школьников, свободно говорить на нем я также не умел.

По договоренности с директором выпускной экзамен я сдал и по английскому, и по немецкому. В аттестате зрелости у меня значились два языка, и по обоим стояла пятерка.

Точки бифуркации. Выбор профессии

У О. Генри есть новелла «Дороги, которые мы выбираем». Перед ее героем открываются три дороги. Писатель дает ему три попытки, но конец всегда один – герой оказывается застреленным из пистолета маркиза де Бопертюи. В реальной жизни, однако, выбор, сделанный на развилке дорог – в точке бифуркации, определяет всю дальнейшую жизнь, оставляя за бортом другие возможные варианты. Вернуться назад и все переиграть уже не выходит. Бывает и так, что выбор за вас делает кто-то другой. Со мной это случалось не раз.

Точек бифуркации в своей жизни я насчитал пятнадцать. Столько раз я оказывался перед выбором или был поставлен перед фактом, резко менявшим течение моей жизни. Не знаю, много это или мало. В любом случае, прямым мой жизненный путь не был.

Так, ближе к окончанию школы, классе в восьмом, я начал задумываться над выбором профессии. Было ясно, что я гуманитарий, поскольку интереса к естественным наукам у меня не было, как не было и успехов в них. Алгебра и геометрия были и остались для меня кошмаром. Правда, анатомию и биологию я учил с удовольствием и всерьез интересовался медициной. Может быть, я стал бы хорошим врачом, только вот был я чудовищно брезглив и представить себя в анатомическом театре просто не мог. Я склонялся к тому, чтобы пойти по стопам матери и поступать на журналистику. Или на филологию. Я зачитывался «Словом о словах» Успенского, читал книги по германистике. Стихи, как большинство подростков, тоже пописывал (думаю, были они довольно слабыми). Но публикаций у меня не было, а без них шанс попасть на журналистику был нулевым. Набрать достаточно публикаций за оставшиеся два года было нереально.

Именно здесь на первый план вышла Альма, которая за годы моей учебы сдружилась с матерью. Она заявила, что идти мне надо в МГИМО. Матери эта идея немедленно понравилась, но она сомневалась – в те годы и представить себе нельзя было попасть в МГИМО

без блата. Альма встала в величественную позу – при ее корпуленции это удавалось легко – и заявила, что все можно решить.

Она действительно все решила. Блат в те годы процветал, но способы получения вознаграждения за оказание услуг отличались от распространенных ныне. Все было скромнее, участники комбинаций по «поступлению кого надо» старались все же соблюдать приличия. Схема была простой, отработанной до деталей, сбои случались очень редко. Должно было крупно не повезти, чтобы схема не сработала. Преподаватели института – через надежных знакомых – набирали группы школьников, выступая в качестве репетиторов. Официально эта деятельность была, разумеется, запрещена. Репетиторы брали за занятия деньги (обычно рублей десять за урок, то есть это было не дешево) и отработывали их, действительно занимаясь с абитуриентами соответствующими предметами: историей, географией, языками, натаскивали так, чтобы от зубов отлетало. Поскольку достать экзаменационные билеты заранее было невозможно, опирались на прошлогодние. Да и несложно было опытным преподавателям спрогнозировать вопросы. Однако на вступительном экзамене натасканному абитуриенту нужно было попасть к «своему» преподавателю. За репетиторство боролось несколько кланов. Попадешь к чужому – пролет, а дальше: «...а для тебя, родная, есть почта полевая».

В МГИМО тогда было три факультета. Факультет международных отношений (МО) – в чистом виде общеполитическое образование. Его закончили многие выдающиеся дипломаты, например, Лавров и Чуркин. Факультет международных экономических отношений (МЭО) – там был курс высшей математики, значит, это не для меня. Я до сих пор не понимаю, как я выпускной-то по алгебре в школе сдал. Факультет журналистики (МЖ) – нет публикаций. Но тут в год моего поступления неожиданно открылся новый факультет – международного права (МП). И я решил стать юристом.

Целый год меня натаскивали по русскому и литературе, истории и географии. Натаскали хорошо. Пошел я сдавать документы в приемную комиссию. И чуть не получил от ворот поворот. Для поступления в МГИМО надо было иметь два года комсомольского

стажа. У меня был всего год и четыре месяца. Я и в пионеры вступил позже всех в классе. Так и подмывает написать, что уже тогда я был на инстинктивном уровне диссидентом, но врать не буду – просто принимали в пионеры по торжественным случаям, а я, как назло, в назначенные дни болел. Поэтому и в комсомол я вступил поздно. Мне сказали – стажа нет, документы не примем. Полевая почта вдруг стала пугающе близкой. Пришлось Альме пустить в ход свои связи: за меня заступились, сыграли свою роль и два языка в аттестате, да на счастье была у меня еще похвальная грамота от райкома комсомола за участие в игре «Зарница». Приняли у меня документы, экзамены я сдал на все пятерки. Проходной балл в тот год для школьников был 20 из 20. (Абитуриенты МГИМО делились на две категории: поступающие сразу после школы и так называемые производственники, имеющие не меньше двух лет стажа работы или отслужившие в армии, – для них проходной балл был ниже).

Есть и еще одна пикантная деталь. Моя мать категорически не хотела, чтобы я попал в армию, и, пока я учился в школе, добилась моего медицинского освидетельствования на предмет наличия у меня бронхиальной астмы. Меня обследовали в Боткинской больнице и нашли-таки то ли астму, то ли астматический бронхит – в общем, белый билет (т.е. кто не знает, освобождение от прохождения военной службы) был мне обеспечен.

Когда мы решили, что я пойду в МГИМО, тут-то и обнаружилась засада! В МГИМО брали только тех, у кого было железное здоровье, подтвержденное справкой формы 286 (что само по себе разумно, работать-то приходилось в разных, часто совсем не благоприятных климатических условиях). С белым билетом мне МГИМО не светило. Пришлось срочно отрабатывать назад – я пошел в военкомат и сказал, что хочу в армию, а злые врачи меня комиссовали. Военком страшно удивился. Тогда в армию вовсе не стремились попасть, наоборот – пытались откосить. Но раз сам пришел, меня опять отправили в Боткинскую и через две недели выдали заключение, что я для армии годен. Рисковал я при этом изрядно – не поступив, я попадал под ближайший призыв.

Поступив в МГИМО, я прошел первую точку бифуркации.

Сюрприз – новые языки

После поступления полагалось месяц отработать в стройотряде. А потом состоялось первое собрание студентов, на котором нам сообщили о распределении по языковым группам. В МГИМО было обязательным изучать два иностранных языка. Первый язык преподавался более интенсивно, занятия – каждый день, второй – обычно три или даже два раза в неделю. Второй язык начинали изучать со второго курса и на четвертом сдавали по нему выпускной экзамен, результат которого шел в диплом. Однако на моем курсе решили поэкспериментировать. Второй язык мы начали учить с первого курса и окончательный экзамен сдавали на пятом, перед самой защитой диплома. Тянуть два языка с самого начала для многих было слишком тяжело. Но для меня эксперимент оказался удачным – годы спустя я еще вполне свободно говорю на втором языке.

Сюрприз был в том, что не мы решали, какой язык изучать. Это решало руководство института. Я наивно ожидал, что уж один-то из двух числящихся за мной языков мне и дадут для изучения. Когда с подиума начали объявлять комбинации языков, я не особенно напрягся. Первая группа: английский-польский. (Пять или шесть фамилий). Вторая группа: арабский-французский. Список фамилий. Отчетливо слышен стон в зале. Арабский – явно кому-то не подарок. Третья группа: французский-испанский. Слышу свою фамилию. Не может быть! Я ослышался?! Но больше мою фамилию не называют. Иду проверять – все правильно, третья группа. Спасибо, конечно, что не арабский или японский, но два языка с нуля – не многовато? Иду в деканат, спрашиваю, нельзя ли поменять, чтобы хоть один из языков был либо английским, либо немецким. Мне доходчиво объясняют: или я пойду учить что велено, или я свободен, так как на мое место желающих – навалом (недобравших один балл могли зачислить кандидатом в студенты; если кого-то отчисляли, на его место принимали кандидата). В результате я выучил оба языка, доведя знание французского почти до уровня родного.

Школили нас в институте беспощадно. Послаблений в принципе не делали. Однако некоторым дали все же поменять язык – по всем остальным предметам они успевали, а с языком дело было швах. Но таких было крайне мало. Мне лично очень помогла годичная стажировка в Алжирском университете. Там мой французский стал по-настоящему разговорным. Однако при этом я приобрел характерный акцент выходцев из Алжира, которых во Франции называли «*pied noir*», то есть «черноногими». Акцент очень узнаваемый – на французское произношение накладывается арабская интонация. Хотя мои преподаватели французского из меня этот акцент старательно выбивали, еще годы спустя он вдруг вылезал, и меня спрашивали, не жил ли я в Северной Африке.

Испанский нам преподавала добрейшая и забавнейшая донья Хуанита. Она была вообще-то не испанкой, а баской из Бильбао и по-испански говорила, забавно пришепетывая. Ее вывезли из Испании вместе с другими детьми республиканцев году в 1936-м, и всю свою сознательную жизнь она прожила в СССР. При этом говорить по-русски без акцента так и не научилась. По-русски у нее получалось еще смешнее, чем по-испански. Она не выговаривала звуки «ш» и «ч», не могла произнести две согласных в начале слова, а сочетание «бж» было для нее просто непреодолимым. До сих пор помню, как мой одноклассник Леха был вызван к доске переводить с русского на испанский.

– Леса, писыте. Этот город...

Леша пишет «*esta ciudad*» и ждет продолжения.

– Ээ, хоросо...эээ...эсносается...

– Что? – Леша вытаращивает глаза.

– Эсносается... неуверенно говорит Хуанита, начиная подозревать неладное.

– Как? – Леша с блеском изображает крайнее изумление.

– Цитайте сами! – Хуанита запускает в Лешу учебником.

А фраза была: «этот город хорошо снабжается продуктами сельского хозяйства». Для учебника испанского прямо лучше не придумаешь.